

При таком волнении эсминцы не могли бы следовать за «Гемпширом», а быстрота равносильна безопасности. Поэтому Джеллико предложил «Гемпширу» пойти западным проходом, которым обыкновенно пользовались вспомогательные суда его флота и который находился под постоянным наблюдением.

Китченер и его спутники в 4 часа дня сели на «Гемпшир», который отплыл в 5 час 30 мин., сопровождаемый 2 эсминцами — «Юнити» и «Виктор»; последним было приказано вернуться обратно, если они будут отставать. «Гемпшир» шел со скоростью 19 узлов, рассчитывая, что эта скорость даст ему возможность уйти от торпедной атаки подводной лодки. Но тут ветер переменял свое направление и подул с северо-запада со скоростью 50 миль в час; берега уже не прикрывали от ветра. Сопровождающие «Гемпшир» эсминцы отстали от него и были отосланы обратно. Около 7 час. 30 мин. вечера «Гемпшир» наткнулся на одну из мин, заложенных подводной лодкой № 75 между Марвик-хэд и Брауф-оф-Берсей; он затонул, приблизительно, в течение четверти часа. Китченер вышел на палубу; капитан приказал спустить для него лодку, но сделать это при таком сильном волнении не было никакой возможности. Только 14 человек добрались до берега на плоту Карлея; двое из них умерли от изнеможения. Остальные были спасены несколькими старыми моряками, когда-то служившими под моей командой; один рассказал мне историю этого спасения.

Вскоре после этого было выловлено 16 мин, заложенных подводной лодкой № 75. Одна из них плавала на глубине 24 футов под поверхностью. Мины были расставлены на такой глубине, что во время прилива не причинили бы вреда даже кораблю с глубокой осадкой. Они представляли опасность лишь в том случае, когда при отливе вода неглубока и когда корабль бросает на волнах бурного моря. К сожалению, все эти условия были налицо, когда «Гемпшир» ночью наткнулся на мину.

Китченер погиб. Говорили, что он дожид до осуществления задачи своей жизни. Так ли это? Верно, что одно его имя помогло создать большую армию на добровольческих началах, но мы знаем, что последние месяцы его жизни, когда он был в роли подчиненного, не имевшего решающего голоса в руководстве этой армией, не были счастливыми. Мы также знаем, как некоторые высокопоставленные лица пытались после его смерти прикрываться его авторитетом. Мы знаем, что в конце 1915-г. делались

попытки помешать его возвращению из его поездки в район средиземноморских операций (об этом нам рассказал сэр Уильям Робертсон) для участия в работе кабинета. Китченер подал в отставку по возвращении, но премьер-министр Асквит не принял ее.

На вопрос, какое значение имела потеря Китченера для дальнейшей борьбы союзников, мы не можем ответить, не зная, какой линии он придерживался бы в дальнейшем. Генеральный штаб в начале 1918 г. вступил в конфликт с военным кабинетом (об этом нам также рассказал сэр Уильям Робертсон), а силы сэра Дугласа Хейга накануне германской атаки в марте 1918 г. были чересчур ослаблены. Но мы не знаем, какую позицию занимал бы Китченер в подобном случае.

Я был в Портсмуте в момент смерти Китченера и могу засвидетельствовать, что сообщение о его гибели вызвало печаль и возмущение в гарнизоне; таково же было настроение всех военных, которых я встречал в Лондоне несколько дней спустя.

Тогда я еще не был посвящен в государственные тайны; поэтому я не в состоянии ответить на вопрос, когда Россия получила первое сообщение о предполагавшейся поездке Китченера. Я знаю, что об этом велись переговоры за несколько дней до его отъезда, но не могу установить точной даты. Не думаю, что об этом было известно в России уже к тому времени, когда адмирал Шеер решил послать подводную лодку № 75 и расставить к западу от Оркнейских островов минные ловушки для судов большого флота: Китченер дал согласие на поездку в Россию неделей позже (26 мая).

Бросает ли гибель Китченера, происшедшая в указанных условиях, какую-либо тень на британскую разведку? Я полагаю, что нет, и мне кажется, что я доказал это. Бросает ли его смерть какую-либо тень на британский флот? Ответ на это гласит, что причиной смерти Китченера явились приготовления Шеера к его выходу в Северное море, сильный северо-восточный ветер и внезапная перемена ветра в тот момент, когда «Гемпшир» отплыл. Германская «Книга войны» проповедывала необходимость совершения преступления при помощи наемной агентуры, *включая убийство*, если это наносит ущерб неприятелю. Говорилось, что виновницей смерти лорда Китченера была какая-то шпионка, которая будто бы направила подводную лодку к тому месту, где была заложена мина, вызвавшая гибель корабля. Это, конечно, чистый вздор. Я не

думаю, чтобы кто-либо из ответственных лиц Германии стал хвастать тем, что он виновник смерти Китченера.

В некоторых кругах в Германии утверждали, что гибель Китченера вызвала подавленное настроение и депрессию в широких кругах английского общества. Это неверно. Американский посол Уолтер Пейдж был прав, когда он заявил: «Угрюмая решимость англичан растет под влиянием грозных событий, подобно тому как ртуть поднимается в термометре под действием лучей горячего солнца». Нелепые слухи, которые распространились вслед за катастрофой, — независимо от того, кто в них виновен, — действовали на британскую публику так же, как применение удушливых газов, беспощадное потопление кораблей подводными лодками, убийство детей и женщин во время воздушных налетов, расстрел Эдит Кавель и капитана Фрейата, — все это для британцев служило только стимулом к тому, чтобы добиться победы во что бы то ни стало.

Нам незачем тут подробно останавливаться на разных нелепых слухах; если они действительно распускались неприятельскими агентами в Англии и других странах, то только по глупости. Они являлись совершенно дикими по своей неправдоподобности и противоречивости. Вот примеры: «Китченер еще жив»; или: «Часть команды «Гемпшира» находится в концентрационном лагере в Германии»¹; или в таком роде: «Китченер ведет разведывательную работу в Германии»; «Китченер скрывается в Берлине»; или: «Китченер в России»; «Китченер набирает войска в Китае и Японии». А через несколько лет кто-то дошел до предела наглости: привез из Норвегии в Англию какой-то гроб и утверждал, что в нем лежит тело лорда Китченера.

Нужно только еще остановиться на возможной причине распространения этих слухов. Сообщение о смерти Китченера стало известно на континенте и, по всей вероятности, во всем мире раньше, чем об этом узнала Англия. Это и породило всякие слухи.

Около 10 час. утра 6 июня премьер-министр узнал об этой катастрофе; от адмиралтейства по телеграфу были затребованы более подробные сведения от сэра Джона Джеллико, и к 11 час. 38 мин. дня было заготовлено сообщение для печати. Два экземпляра были посланы

¹ На самом деле, в одном германском концентрационном лагере находились попавшие в плен британские солдаты из гемпширского полка.

в бюро печати, и британские и иностранные телеграфные агентства получили информацию около полудня. Затем поступили более подробные сведения от Джеллико, и тогда была сделана попытка задержать по телефону опубликование первоначального сообщения, но было уже слишком поздно: иностранные агентства уже успели разослать сообщение, которое, несомненно, дошло и до Берлина по телефону из какой-нибудь нейтральной страны, по всей вероятности, Голландии. Исправленное сообщение, в котором были добавлены лишь 2 строки, сразу было передано в бюро печати, и британская публика читала его около 1 часа 30 мин. пополудни.

Источником моих сведений является сэр Дуглас Броунригг, начальник морской цензуры во время мировой войны. Он опубликовал после войны книгу и в течение последних 9 лет всячески старался ознакомить публику с истинным положением. Потерянные во время войны *9 минут* могут давать чувствовать себя в течение *90 лет*, если историки недостаточно тщательно относятся к своим «источникам».

Меня иногда спрашивали, верю ли я рассказу о том, что лорду Китченеру предсказана гибель на море, и верно ли, что у него было предчувствие близкой смерти. Заниматься такими вопросами я не могу. Каждый из нас имеет свой взгляд на вещи. Моя задача — показать ту роль, какую играла или, скорее, не играла в этой трагедии германская разведка.

Китченер вместе с теми лицами, которые входили в состав его миссии, и вместе с командой «Гемпшира», за исключением 12 офицеров и моряков, лежит на дне моря на расстоянии полутора миль от негостеприимных западных берегов Оркнейских островов между Брауф-оф-Берсей и Марвик-хэд. Вдали возвышается на скалах большой могильный холм — гробница какого-то легендарного воина. Оставим здесь Китченера «наедине с его славой».

ГЛАВА XII

ЖЕНЩИНЫ-ШПИОНКИ

(1915—1917)

В Великобритании не в обычае использование женщин в качестве агентов разведки или шпионов, но вообще описание работы разведки во время европейской войны не может считаться полным без упоминания о женщинах.

Мне вспоминается прочитанный несколько лет назад интересный роман, название которого, кажется, было «Кронштадт». То был роман о девушке, гувернантке в русской семье, которая рисковала жизнью, пытаясь раздобыть план крепости. Наличие любовного элемента в таком романе дело обычное, но в реальных условиях военного шпионажа любовь, как показывает опыт, играет отрицательную роль. Существует много рассказов о том, как женщины и мужчины, увлеченные любовью, делали жертвой внутренней борьбы двух великих сил — патриотического дела и страсти. Я слышал рассказ о женщине, которая в качестве агента разведки должна была выведывать секреты у одного иностранного офицера, занимавшего высокий пост. Дело кончилось тем, что она влюбилась в него, бросила свою работу, и, выражаясь стилем романов, «они потом жили счастливо до конца своих дней». Будем надеяться, что, меняя свое отечество, эта женщина не выдала военных тайн страны, от которой она отказалась. Мне ничего неизвестно об этой стороне дела, но здесь всегда нужно считаться с известным риском.

С другой стороны, я разделяю взгляд, что женщина лучше хранит военные государственные тайны, чем мужчина. Существует тип мужчин, которые, особенно во время войны, стремятся приобрести репутацию людей, осведомленных в военных и морских делах, но мало интересуются семейными делами своих знакомых. У женщин как будто дело обстоит наоборот.

Основное же заключается в том, что женщины до сих пор нигде еще не допускались наравне с мужчинами к занятию ответственных военных и военно-морских постов, где решаются наиболее важные секретные дела, и поэтому женщина-шпионка должна получать информацию от мужчины. Это вводит некоторый элемент неуверенности в связи между шпионом и жертвой шпионажа, что и является одной из причин, почему в Великобритании не поощряется использование женщин на шпионской работе. Не во всех странах держатся такой точки зрения. Кроме того, у нас играет роль желание не подвергать женщин опасности смертной казни, которая угрожает шпиону, в случае его разоблачения.

Немцы направили в Британию во время войны цемногих шпионов, и только три женщины судились у нас по обвинению в шпионаже. Одна из них — мистрисс Смит, жена иностранца, натурализовавшегося в Британии; сообщая своим хозяевам сведения о подьеме патриотических на-

строений в Великобритании, она, вероятно, принесла Антанте больше пользы, чем вреда, и поэтому отделалась легким наказанием. Другая шпионка — Лиззи Вертгейм, родом немка; она была замужем за британским подданным, сыном натурализованного немца. О ней можно рассказать мало интересного. Муж ее, в силу достаточных оснований, не жил с ней, хотя развод, кажется, не был оформлен. Она вела широкий образ жизни, питала пристрастие к кокаину и отличалась низкими нравственными качествами.

Заправила германской разведки полагали, что эта женщина окажется полезной в деле добывания сведений о наших военно-морских делах в Шотландии или других местах, — сведений, которые она должна была передавать шпиону, известному под фамилией Брикоу. Последний вместе с другими германскими агентами был послан в Англию весной 1915 г. под фальшивым американским паспортом на имя Реджинальда Роуланда, но у американского орла на печати его паспорта нехватало одного когтя. Вот от каких мелочей иногда зависит жизнь агента разведки! Эта пара предстала перед гражданским судом в Олд-Бейли. 20 сентября 1915 г. были представлены обильные доказательства их шпионской работы. Г-жа Вертгейм была присуждена к 10 годам каторжных работ и отправлена в Эйлсбери для отбывания срока наказания, а в дальнейшем была переведена в Бромдурский дом для умалишенных уголовных преступников, где она умерла 4 августа 1920 г. Ее компаньон Брикоу умер от паралича сердца перед расстрелом в Тоуэре. Кстати, г-жа Вертгейм жила в Блумсбери, когда «Реджинальд Роуланд» прибыл в Англию, а название этого квартала, расположенного вблизи Британского музея и населенного верхушкой интеллигенции, постоянно встречается в делах об иностранном шпионаже. Я не знаю, что именно привлекает тайных агентов в этот район; повидимому, там существует изрядное число недорогих гостиниц, где останавливаются иностранные путешественники из небогатых слоев.

Третья шпионка, представшая перед судом в Англии, была шведка Ева де Бурнонвиль, находившаяся на службе у немцев. Она обратила на себя внимание своими глупыми вопросами и постоянными напоминаниями о том, что она, дескать, родилась в Дании. Она также была арестована в Блумсбери, хотя раньше проживала в других районах. Она получала всего 30 фунтов стерлингов в месяц, которые выплачивались ей через германского военного атташе

в Швеции. Это была не слишком высокая плата за работу, на которой она рисковала жизнью, а в данном случае мы имели дело с наиболее способной из пойманных нами шпионок. Она, вероятно, была бы казнена в другой стране, где менее снисходительно относятся к женщинам-шпионкам.

На суде в Олд-Бейли почти ничего нельзя было привести в ее защиту; суд не нашел также никаких смягчающих вину обстоятельств. Ева де Бурнонвиль была признана виновной и приговорена 12 января 1916 г. к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Она отбывала наказание вместе с Вертгейм в Эйльсбери, где впоследствии им была предоставлена возможность беседовать друг с другом.

Более интересные данные о женщинах-шпионках можно найти в уголовной практике других стран. В связи с делом Евы де Бурнонвиль можно отметить слабость, свойственную этому полу. В одном из своих писем из тюрьмы она спрашивала, нельзя ли ей получить свой прибор для маникюра и часть ее многочисленных платьев, причем трогательно добавляла: «Пожалуйста, развесьте мои черные платья и хорошо прикройте их».

В мае и июне 1915 г. наблюдался большой наплыв германских шпионов в Англию. Некоторые из них, например компаньон или наниматель г-жи Вертгейм, упомянутый Брикоу («Реджинальд Роуланд»), и некто Антон Кюпферле, который пробыл на свободе лишь 5 дней, возлагали надежду на свой американский акцент и американские паспорта. Напомним, что 1915 год был первым годом беспощадной подводной войны, битвы при Нев-Шапель, предпринятой по инициативе сэра Джона Френча, затем второй битвы при Ипре и последовавшего за этим наступления союзников, наконец, предпринятого Жоффром и Фошем и дорого нам обошедшегося осеннего наступления, в котором британская армия по настоянию Китченера также принимала участие. В этом году западный фронт больше привлекал внимание германской военной разведки, чем Соединенное королевство. Дарданелльское предприятие, как мы уже видели, широко афишировалось в Египте, так что не было особой нужды собирать сведения в Англии, но главной целью агентов германской разведки в 1915 г. было получить военно-морскую информацию в Англии и особенно в Шотландии.

К 1916 г. должно было закончиться обучение британской «новой армии», поэтому ценность военной информа-

ции, получаемой непосредственно из Англии, постоянно возрастала. В начале года Жоффри (с помощью Фоша) и Хейг¹ закончили разработку своего первого плана большого наступления на Сомме, которое, однако, германцы предупредили своим ударом по Вердену. Германская разведка прилагала большие усилия, чтобы достать информацию о подготовке наступления на Сомме, которое, ввиду необходимости облегчить положение французской армии в Вердене, не могло быть отложено на срок позже 1 июля, хотя Хейг рассчитывал на больший промежуток времени для обучения своих новых дивизий.

Это дает нам повод ознакомить читателя с организацией германского шпионажа на западном фронте и рассказать об одной таинственной немке, которая, обосновавшись в Антверпене после занятия его немцами, играла как будто руководящую роль в этом шпионаже. После войны много писалось об этой женщине, о методах ее работы, о различных именах, под которыми она была известна в странах Антанты. Прозвание «фрейлейн доктор» — главный псевдоним, под которым она была известна во Франции, где преимущественно была сосредоточена ее деятельность; но она имела много других, более выразительных кличек: «красный тигр», «глаза тигра», «черная кошка», «королева шпионов», «фрау доктор Элизабет» и т. д. Ее агенты орудовали за линией фронта, в тылу противника. Она возглавляла тайную организацию, обычно применяя к своим подчиненным методы террора. Эта организация занималась добыванием военных и военно-морских тайн в Англии и в французских департаментах, расположенных, примерно, к западу от линии Будонь — Париж — Эпиналь — Бельфор до швейцарской границы. Ричард Роуан много писал о ней в своей книге «Разведка и контрразведка». О ней имеются более или менее точные упоминания (большей частью менее точные) почти во всех книгах о шпионаже во время мировой войны.

Роуан пишет, что это была женщина с властным взглядом, и добавляет, что в ее «сверкающих холодных синих глазах» можно было прочесть дерзость и жестокость. Несомненно, ее агенты испытывали страх перед ней. Ей приписывается изобретение особого метода столь же безжалостного, сколь и простого, применявшегося ею для расправы с негодными или неугодными агентами («шпио-

¹ Хейг только что был назначен вместо Френча командующим британской армией на западном фронте.

нами-дураками»): несчастному давалось поручение, которое наверняка должно было привести к его провалу и смертной казни.

Иосиф Маркс, голландец, прибывший в Англию в июле 1915 г., оказался именно в таком положении. Он был захвачен в Тильбери. Сэр Бэзил Томсон, руководитель Особого отдела Скотленд-ярда, тогда как раз оказался там, и ему Иосиф Маркс открыл характер своего поручения. Если безжалостная «работодательница» действительно рассчитывала на его казнь, то ее ждало разочарование: Маркс был присужден к 5 годам каторги по обвинению в том, что он, будучи связан с агентом неприятельской разведки, пытался пробраться в Англию. Впоследствии он был выслан на родину и горячо благодарил англичан за хорошее с ним обращение; несомненно, английская тюрьма была для него наиболее безопасным местом, если он действительно являлся жертвой зловещих «глаз тигра». Между прочим, арест этого шпиона дал нашей контрразведке возможность ознакомиться с новым остроумным способом пересылки информации в Германию о британском флоте: через Швейцарию посылались письма с разными почтовыми марками, причем каждая марка обозначала какой-либо тип военных кораблей.

Однако самая интересная для нас черта в деятельности «фрейлейн доктор» — это понимание опасности введения «любовного элемента» в такое серьезное дело, как военный шпионаж. Она имела большой опыт в подготовке шпионов в германских школах шпионов, и я имел возможность ознакомиться с содержанием инструкций, которые она дала одному надежному агенту. Вполне полагаясь на него, она, тем не менее, строго внушала ему, что он всегда должен быть трезвым, вести скромный образ жизни, вставать рано. Если по условиям работы ему придется бывать в увеселительных заведениях, то он должен остерегаться и не попадаться в любовные сети: контрразведка врага пользуется услугами агентов-женщин.

Известен рассказ об одном голландце, посланном той же дамой в Париж: он не послушался ее советов, пил слишком много и проговорился, беседуя в нетрезвом виде с кафешантанной девицей, состоявшей агентом французской разведки. Он даже сообщил ей о своем поручении, стараясь завербовать ее. Французская полиция оставила его на свободе в расчете на то, что благодаря своей болтливости он выдаст и других германских шпионов. Роуан передает, что он кончил свои дни в одном из переулков

Монмартра, где его ночью застиг немецкий нож, оставленный в ране для предупреждения других.

Заканчивая рассказ об этой безжалостной и отталкивающей женщине, которая, применяя методы устрашения, работала будто бы очень успешно, мы должны сделать несколько замечаний по поводу различных легенд о ее происхождении и социальном положении.

«Фрейлейн доктор» была «красивая женщина, повидимому, вполне уверенная в силе своего очарования, которым она пользовалась для вовлечения несчастных граждан нейтральных стран в шпионскую работу». Она величала себя то баронессой д'Аспремон, то графиней Лувен, то представительницей одной германской дворянской фамилии с приставкой «фон». Полагают, что на самом деле она была дамой полусвета, которая пользовалась благосклонностью одного прусского генерала, очень влиятельного в органах разведки и доставившего ей возможность получить там «работу». Говорят, что ее настоящая фамилия была «Гейнрихсен», но точно ее происхождение не установлено. Ее сила заключалась в горячей преданности порученному делу и в готовности идти на любой риск при выполнении его. Из своей штаб-квартиры в Антверпене она часто ездила в Голландию, где ее хорошо знали тайные агенты союзников в Роттердаме. Она часто пользовалась автомобилем, но во время ее поездок или когда она шла пешком ее всегда сопровождали два телохранителя.

Говорят, что решающего успеха в борьбе с ней агенты союзников добились, устроив к ней на работу в Антверпене в качестве ее доверенного лица своего агента, молодого бельгийца, разыгравшего роль сторонника Германии; но когда она со временем разоблачила его обман, то собственноручно застрелила его. Различные рассказы об этой зловещей женщине приведены в книгах Фелстэда, Людеке, Роуана и др. Она не любила пользоваться услугами женщин-шпионов по вышеприведенным соображениям: она опасалась неустойчивости, которую может вносить «любовный элемент» в серьезную и важную работу.

Мы можем теперь расстаться с этой женщиной и вернуться к тем шпионкам, которым удалось пробраться в Англию во время европейской войны. Наиболее известна из них Маргарита-Гертруда Маклеод, урожденная Пелле, которая пользовалась нашим гостеприимством лишь несколько дней. Она была выслана в Испанию, но судьба ее решилась во Франции в 1917 г. отчасти вследствие проявленного ею интереса к наступлению на Сомме.

Она была танцовщицей с европейским именем и слыла покорительницей мужских сердец. Ее псевдоним по сцене «Мата Хари» («утренний луч»). Ее имя было окружено многими легендами. Вот некоторые из них. По наиболее распространенной версии, она была дочерью голландца, женившегося на яванке (по другим рассказам — на японке), родилась в Голландской Ост-Индии и от матери унаследовала свою утонченность, вкрадчивость и лживость. После смерти отца мать, желая избавить дочь от необходимости работать на сахарных плантациях на Яве, перевезла ее в Бирму, где пристроила на двусмысленную роль танцовщицы в одном буддийском храме. Какой-то британский офицер, очарованный ее красотой, будто бы помог ей бежать из храма и женился на ней. Она родила двух детей, но ей скоро надоела однообразная жизнь в Индии, и она уехала в Голландию, а оттуда в Париж. С тех пор она прославилась как танцовщица.

Нам незачем дольше останавливаться на красочной и крайне фантастичной легенде о начале ее карьеры. Ее внешность, смуглая кожа и блестящие черные глаза, естественно, придавали этому рассказу характер правдоподобия, и этому содействовала также ее «ненасытная жажда роскоши и денег». Не столь эффектны документальные свидетельства, по которым она числилась разведенной женой, сохранившей фамилию мужа — Маклеода; по этим данным, она родилась в Голландии (в Леевардене) в 1878 г., была крещена под именем Маргарита-Гертруда Целле. Восемнадцати лет она вышла замуж за офицера голландской колониальной армии, повидимому, шотландца по происхождению, на что указывает его фамилия Маклеод. Муж взял ее с собой на Яву, где их совместная жизнь была далеко не счастливой. Рассказывали, что он с ней обращался жестоко и грубо, что слуга-туземец убил будто бы их сына из ненависти к своему хозяину, а мать застрелила убийцу. У них родился другой ребенок — дочь. За шесть лет пребывания в тропическом изнурительном климате Явы — в той части света, где, по словам Киплинга, «нет места для десяти заповедей и где лучшее похоже на худшее», — Маргарита Маклеод овладела мастерством танца вообще и восточного танца в частности; впоследствии это пригодилось ей для обольщения мужчин.

Неудачная супружеская чета вернулась в Голландию в 1901 г. с 5-летней дочерью Марией-Луизой. Не стоит останавливаться на первых годах, проведенных в Голландии.

В первое время супруги жили среди порядочных людей, которые, повидимому, иногда вмешивались в их семейную жизнь во время особо острых скандалов. Эта семейная жизнь кончилась тем, что муж покинул ее, взяв с собой дочь. Маргарита-Гертруда, кажется, жила в нужде, ей помогали родственники. Жизнь в голландской деревне скоро ей прискучила. На 29-м году жизни она отправилась в Париж. Имея столь пестрое прошлое, она стала распространять красочные легенды о своей молодости; она с успехом выступала в роли исполнительницы восточных танцев, благодаря которым она стала известна во всей Европе.

Ее профессия позволяла ей приобретать связи в высших кругах Франции, Германии и других стран Европы; это способствовало дальнейшим ее успехам, и она стала зарабатывать большие деньги. Неизвестно, когда именно она стала тайным германским агентом; возможно, что это было еще до войны; на это указывает ее агентский номер «Х-21» — буквой «Х» во время войны не обозначались агенты. Широкая известность вредила ей, и в конце концов даже самые высокопоставленные знакомые не смогли ее спасти от неизбежной судьбы.

Можно думать, что угодно о профессии и источниках доходов этой женщины, но не приходится сомневаться в ее храбрости. Ее тридцать восьмой день рождения пришелся на 7 августа 1914 г. Когда вспыхнула война, она танцевала в Винтергартене в Берлине; говорят, там ее видели в обществе одного высокопоставленного полицейского чиновника, с которым она давно поддерживала знакомство. Она выступала публично и в других странах.

Впервые она возбудила подозрение английской и французской разведки во время своих выступлений в Мадриде в июле 1915 г., в те дни, когда англо-французское наступление во Фландрии кончилось неудачей, а итальянцы начали свои первые атаки на реке Изонцо. Высадка ее в Англии в 1916 г. произошла, повидимому, в связи с условиями, созданными беспощадной германской подводной войной и установкой мин на главных морских путях. Вследствие этого все пароходы должны были заходить в британские гавани, где производился осмотр и давались указания о наиболее безопасных путях дальнейшего следования. По одной версии, Мата Хари должна была сойти на берег со всем своим багажом и театральным реквизитом по предложению молодого скромного морского офицера; согласно другой версии, она приехала в Англию по

своей доброй воле. Как бы то ни было, она была приведена в Скотленд-ярд на допрос к сэру Бэзилу Томсону, но там она вполне успешно обманула допрашивавших ее лиц. Фелстэд, один из надежнейших авторитетов по закулисным делам шпионажа, излагает эту историю таким образом: когда Мата Хари было прямо заявлено, что она является германской шпионкой, она с обворожительной улыбкой сказала Томсону: «Мне нужно вам рассказать кое-что, но раньше допросите всех этих джентльменов выйти из комнаты». Когда они ушли, Мата Хари заявила: «Да, я действительно состою тайным агентом, но я работаю не в пользу бошей. Нет! Тысячу раз нет! Я работаю для Франции!». Говорят, что она пыталась применить подобный же трюк и в Париже, но руководители французской контрразведки вскоре заподозрили ее в том, что, узнав имя одного французского тайного агента в Бельгии, она предала его немцам, и он был расстрелян. В результате произведенного допроса английскими следственными властями она была выслана в Испанию с добрыми пожеланиями на будущее.

Большинство шпионов, пойманных во время войны, осуждалось на основании документальных данных, добытых благодаря применяемым ими способам пересылки сообщений. Безнаказанность Мата Хари во Франции в течение долгого времени объясняется ее личным влиянием в одной нейтральной стране; это дало ей возможность пользоваться дипломатической почтой нейтрального государства для пересылки своих донесений: полагали, что она переписывается со своими родственниками в Голландии, в действительности же ее письма предназначались для немецких тайных агентов. Когда ее корреспонденцию перехватили, оказалось, что ее сообщения записаны с помощью шифра, который нельзя было раскрыть. Ей всегда удавалось замечать следы. Гладко сошло даже посещение ею нового аэродрома в Вителе, построенного в 1916 г., хотя пропуск был выдан именно для того, чтобы следить за ней.

В Испании она часто бывала в обществе германского военного атташе; в конце концов она попала из-за него: он послал ей радиограмму, чтобы «Х-21» зашла в посольство такой-то нейтральной страны в Париже для получения огромной суммы денег. Она была арестована в феврале 1917 г., предстала перед военным судом в июле и была приговорена к расстрелу. В промежутке между этими датами сорвалось широко возвещавшееся наступление

Нивелля, в котором французская армия потерпела огромные потери, а вслед за этим в армии начались бунты и по всей Франции прокатилась волна поражения. Самые влиятельные друзья Мата Хари не смогли добиться смягчения приговора или пересмотра его; в октябре приговор был приведен в исполнение в Венсенской крепости.

Подобно Еве де Бурнонвиль, приговоренной за шпионаж в Англии к пожизненному заключению, Мата Хари осталась верна себе до последней минуты. В последнее утро она оделась с особой тщательностью. Когда пришло время, она гордо прошла мимо взвода, который должен был ее расстреливать, послала воздушный поцелуй солдатам, священнику и всем присутствующим. Так, в возрасте 41 года, закончила она свою жалкую карьеру.

Дж. М. Спэйт в своей книге «Авиация и военное правосудие» приводит список других шпионов, приговоренных к смерти во Франции: Маргарита Шмидт — казнена в марте 1915 г., Отилия Фосс — казнена в мае 1915 г., мадемуазель Лалар — приговорена к смерти в августе 1915 г., Мария Хозе де Баси — казнена в январе 1916 г., Регина Диан — казнена в январе 1918 г., Жозефина Альварес и Викторина Франше — казнены в мае 1918 г., Сидония Дюкре — приговорена к смерти в июне 1918 г.

Англия была в сравнительно более выгодном положении, и нам не приходилось применять к женщинам столь суровые меры за шпионаж.

ГЛАВА XIII

ПРЕСТУПНЫЕ АКТЫ «ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ»¹ В АМЕРИКЕ

(1914—1917)

Присоединение Соединенных штатов Америки в 1917 г. к Антанте как раз в момент, когда Россия была накануне выхода из строя, явилось мощным фактором в деле достижения конечной победы. Поэтому важно рассмотреть

¹ Термин «третья сторона» применяется Астоном по аналогии с «третьими лицами», привлекаемыми истцом или ответчиком в процессе к ответу, как разделяющими с ними право требования или ответственность по иску, для обозначения агентов — диверсантов, используемых Германией во время мировой войны для подрывных актов против нейтральных государств и в первую очередь против США. — *Ред.*

некоторые приемы деятельности германской разведки в Америке в течение трех лет, предшествовавших этому, присоединению.

Одна из трагических сторон мировой войны состояла в том, что широкая публика в некоторых странах, особенно в США и Великобритании, раньше не представляла себе всей реальности доктрины войны в понимании школы «милитаристов» на европейском континенте. Наиболее последовательные сторонники этой школы были в Пруссии, но до войны невозможно было убедить государственных деятелей или публику указанных стран, что к заявлениям прусских милитаристов следует относиться вполне серьезно. Сущность этой прусской теории сводилась к следующему: так как война является актом насилия и воюющие государства не связаны никакими моральными и этическими обязательствами, то военное насилие не должно признавать никаких ограничений. Любой акт, какой бы беспощадностью он ни отличался, может быть оправдан военной необходимостью. «Война, — писал еще Клаузевиц, — это акт насилия, не знающий пределов... Международное право — это такое ограничение, которое вряд ли заслуживает упоминания».

Отношение некоторых государственных деятелей других стран к этим взглядам лучше всего выражено Кингслеем¹, в его «Water Babies», где он следующим образом описывает, как люди некоей страны вели войну: «Вся их стратегия и военное искусство сводились к легкому и безопасному средству: они закрывали уши и вопили: «Ах, не говорите нам этого», и затем убегали».

Вот для иллюстрации моей мысли типичная цитата из германской «Книги войны», официального издания генерального штаба в Берлине: «Международное право ни в коем случае не препятствует совершению преступлений (убийства, поджоги, грабежи и т. п.) третьей стороной, поскольку это причиняет вред неприятелю». Если эти слова что-нибудь означают, то вывод должен быть таков: всякая страна, вступающая в войну с Германией, должна принять все меры для организации охраны от подобных актов неприятельских агентов или лиц, подстрекаемых ими.

Я уже говорил о том, что в 1913—1914 гг., работая в адмиралтействе, я занялся составлением списка всех

¹ Чарльс Кингслей (1819—1875) — английский писатель и публицист; одно время был близок к чартистскому движению, но потом перешел к «христианскому социализму». — *Прим. перев.*

пунктов, где с точки зрения интересов флота следует принять меры предосторожности против «злонамеренных лиц» в случае войны с Германией или другой европейской державой. Соответствующие меры были приняты, и для этой цели были использованы помимо полиции также крупные военные части. Однако безопасность у нас была обеспечена, главным образом, благодаря работе военной контрразведки, которая до самой последней минуты оставляла на свободе всех важнейших германских тайных агентов, продолжая следить за всей их перепиской, и сразу их арестовала 4 августа 1914 г., когда война стала неизбежной вследствие нарушения бельгийского нейтралитета.

Я вполне подтверждаю взгляд, высказанный руководителем германской разведки полковником Николаи, что, несмотря на близость Великобритании от европейского континента, наше островное положение сильно облегчает нам борьбу с проникновением тайных агентов неприятеля. Я могу прибавить и, надеюсь, не встречу возражений, что на территории Великобритании за все время войны не было ни одного случая подрывного акта, подготовленного неприятельскими агентами. Было, я знаю, несколько взрывов на военных заводах, но ни один из них не был вызван подрывной работой шпионов, хотя среди публики ходили такие слухи. Что же касается взрывов, происшедших на военных кораблях во время стоянки в гаванях, то я воздерживаюсь от суждения, в какой мере они явились результатом работы неприятельских агентов. Официально это опровергалось, но так как число взрывов было, по моему мнению, слишком велико, то официальное объяснение мне казалось неудовлетворительным, особенно после того, как я познакомился с махинациями германских тайных агентов в Соединенных штатах.

Там, как и в России, имели место случаи вредительства: не говоря уже о потоплении «Лузитании» и «Сэссекса» и о других случаях уничтожения жизни и собственности американских граждан в открытом море, я до сих пор никак не могу понять, почему деятельность германских агентов в ранний период американского нейтралитета не вызвала негодования, достаточного для того, чтобы вовлечь Америку в войну.

Возможно, что никто в Америке не читал германской «Книги войны», а если там ее читали, то не могли себе представить, что германцы действительно будут заниматься организацией преступных актов «третьей стороны»

в *нейтральной стране* с целью причинить вред своим противникам. Если в Англии, которая отделена от Европы лишь узким каналом, публика в течение 80 лет была так мало осведомлена о теории ведения войны Клаузевица и ее толковании в прусской «Книге войны», то тем легче можно себе представить, как мало была осведомлена об этом американская публика, отделенная от Европы Атлантическим океаном.

Я недостаточно знаком с работой американской контрразведки и потому не могу сказать, располагала ли она определенными доказательствами, уличающими германских агентов в подрывной работе и разжигании стачек в США. Однако я знаю следующее: один субъект германского происхождения — мы будем называть его «И» — в начале войны спокойно занимался деятельностью агента по сбору реклам в Нью-Йорке; контора его помещалась на Уолл-стрит № 60. В апреле 1916 г. агенты разведки США совершили налет на его контору, и вот что мне рассказали об этом деле лица, заслуживающие доверия.

Тайные агенты застали «И» у сейфа, на котором был изображен герб Германской империи. Он разбирал бумаги, готовясь, повидимому, перенести их из сейфа в другое место, должно быть — судя по дальнейшим событиям — в германское посольство. Полицейские агенты арестовали «И», взяв его бумаги, несмотря на его энергичные протесты; сейф также был взят для тщательного обследования. Как только германский посол Бернсдорф узнал об аресте «И», он стал решительно протестовать: захваченные бумаги являлись официальными, священными дипломатическими документами. (Согласно нормам международного права, помещение всякого посольства является экстерриториальным.) На это, естественно, последовал ответ, что фирма на Уолл-стрит № 60 является частным рекламным бюро, не находящимся в ведении какого-либо члена дипломатической миссии, а мистер «И» — частное лицо. Когда же документы, которые «И» во время обыска так энергично защищал, были изучены в департаменте юстиции, то не оставалось уже никаких сомнений относительно их важности и вместе с тем относительно причины беспокойства Бернсдорфа. В этих документах нашлись обильные доказательства того, что Германия широко применяет практику использования «третьей стороны» для совершения преступлений на территории США, — и вот почему я и не могу расстаться с моими опасениями насчет истинных причин взрывов, происходивших во время

войны на военных кораблях в британском и союзных флотах.

21 мая 1915 г. возник пожар на британском торговом пароходе «Бейропия», когда он находился в открытом море. На месте возникновения пожара были найдены 2 небольших цилиндра, имевших $21\frac{1}{4}$ дюйма длины и $\frac{3}{4}$ дюйма в диаметре; кроме того, в трюме № 4 были найдены 3 пустые бочки от спирта, причем эти бочки были с боков пробуровлены. Пароход был на пути из Нью-Йорка в Гавр. Этот пароход погиб впоследствии от пожара в открытом море в январе 1917 г.

10 июня 1915 г. британский торговый пароход «Киркс-уолд» прибыл в Марсель из Нью-Йорка. По прибытии в трюме было обнаружено 9 бомб. В документах, относящихся к этому случаю, имеется отметка: «Лицу, изготовившему бомбы, заказчиком было сделано порицание за то, что они не взорвались. Тот в свое оправдание ссылаясь на то, что это были первые изготовленные им в виде опыта бомбы». Он предполагал, что бомбы взорвутся в пути, через 5 дней после отплытия из Нью-Йорка.

18 июня 1916 г. на британском пароходе «Ингель-сайд» по дороге из Нью-Йорка в Гуль вспыхнул пожар в трюме с грузом сахара. Когда были сняты решетки с люка, то в трюме № 5 была найдена невзорвавшаяся петардная ракета.

На другом британском пароходе, «Солтмарш», во время разгрузки сахара были обнаружены такие же признаки подготавливавшегося преступления. Это показывает, как велась подрывная работа на судах, уходивших из портов США.

Среди моих бумаг я нашел следующее замечание, сделанное мной, когда я работал в Уайтхолле: «Во многих случаях установлено, что германские агенты имели отношение к обнаруженным в трюмах бомбам; поэтому не приходится сомневаться в том, что германцы, эти защитники свободы морей, несут ответственность за гибель многих пароходов со всей их командой, плавающих под нейтральными флагами. Недавно были арестованы 3 человека из наиболее опасной банды немецких заговорщиков в США; говорят, они являются последними из этой банды. Они обвиняются в том, что в 1915 г. изготовили и разместили бомбы в трюмах 30 торговых пароходов».

В январе 1917 г. норвежский пароход «Гильдемприз» грузился в Нью-Йорке. После окончательной разгрузки парохода, произведенной только 18 июля в Неаполе, в

глубине трюма были обнаружены 2 динамитные бомбы, снабженные детонаторами.

У меня сохранились заметки и о других случаях, но для иллюстрации моей мысли можно ограничиться приведенными примерами. Теперь вернемся к мистеру «И» в Нью-Йорке.

Это был человек с весом, имел право на приставку «фон». Документы, найденные на Уолл-стрит № 60, были различного характера. Эта контора была прозвана «биржей преступных актов», и через нее германское посольство (преимущественно его военный атташе) поддерживало контакт с тайными агентами во всех частях Америки в целях использования преступных замыслов «третьей стороны».

Мы прежде всего коснемся планов уничтожения жизни и собственности (независимо от того, кто владелец) на торговых пароходах в открытом море. Некто «XXX» (настоящее имя Пауль Кениг) переписывался с номером «7000», т. е. с германским военным атташе в США фон Папеном. В своих письмах Кениг сообщал, например, что он нашел человека, который сможет уничтожать союзные пароходы, покидающие американские порты, с помощью бомб собственного изготовления. Эти бомбы имели вид обыкновенных кусков угля, которые и прятались среди угля, грузившегося на пароходы союзников. Другой документ подтверждал, что образец бомбы был доставлен в контору неким «О.Р.» (мне неизвестно, шла ли речь в данном случае о применении бомб на пароходах или на военных заводах США). Документ был адресован номеру «7000».

Наиболее убедительным документальным доказательством, попавшим в руки американской разведки, явился подлинный чек, подписанный фон Папеном 16 июля 1915 г. на сумму 150 долларов на имя П. Кенига. Этот чек за № 146 был выдан на Риггс-Нейшонел банк в Вашингтоне. На обороте чека была надпись: «На текущий счет. Пауль Кениг», сделанная рукою Кенига. На штампе значилось: «Выплатить по ордеру Филадельфия-Нейшонел банк — 17 июля 1915 г. — Юнион-трест компани в Нью-Йорке». Пауль Кениг состоял руководителем какой-то справочной конторы, которая на деле представляла собой отделение германской разведки. В моем распоряжении имеется копия этого чека фон Папена на 150 долларов со всеми подписями.

Среди бумаг «И» были найдены и другие доказатель-

ства связи его с изобретателями и работниками исследовательских учреждений, имевшими задание готовить бомбы и адские машины для применения их в нейтральной Америке. Так, например, была найдена записка, что 15 июня 1915 г. от некоего «Г.С.В.» получен запрос об употреблении бомб и предложение снабжать ими. На этой записке была надпись: «Предложено прислать дальнейшие детали». Господин «Г.С.В.» это выполнил. Четыре месяца спустя появилось извещение от него с предложением доставить пикриновую кислоту, которая, как известно, является одним из составных элементов сильно взрывчатых веществ. Этот «Г.С.В.» был одно время редактором очень ярко выраженной германофильской газеты в США.

Другой корреспондент, «В.И.Р.», предлагал новые методы размещения взрывчатых мин большой силы внутри пароходов. В одном письме из коллекции «И» упоминался план аренды помещений в непосредственном соседстве с американскими военными заводами для подготовки на них взрывов.

Общий вопрос о праве поставки военного снаряжения воюющим правительствам со стороны частных заводов нейтральных стран выходит за пределы компетенции органов разведки. Я помню, как в дни моего раннего детства мои соотечественники выражали негодование по поводу, якобы, неправильного решения вопроса о возмещении убытков правительству США в связи с «алабамским спором». Это, повидимому, произвело на меня глубокое впечатление, и когда я поступил на службу в разведывательный отдел адмиралтейства, то прежде всего занялся выяснением вопроса: можно ли установить, какое военное снаряжение изготавливается по иностранным заказам на частных заводах Великобритании; при этом я ставил своей целью устранить на будущее время возможность возникновения инцидентов, подобных алабамскому. Тогда у нас еще не было никакого аппарата для установления этого, но мне удалось его создать.

Когда некоторые страны, в нарушение своих торжественных обязательств, после войны снабжали в огромных количествах оружием и военным снаряжением такие беспокойные страны, как Китай, я тогда предполагал, что соответствующие правительства не обладают таким аппаратом для контроля вывоза снаряжения частными заводами. Повидимому, это продолжается и поныне. Правительства проповедают мир, в то время как их граждане вывозят оружие в страны, переживающие тяжелую смуту.

Должно быть, немцы во время войны рассуждали таким образом, что им вовсе незначительно стесняться в использовании «третьей стороны» для совершения преступлений в нейтральных странах, откуда снаряжение попало к неприятелю, но не могло попасть к ним самим, так как их противники являлись хозяевами на морях.

Но каковы бы ни были «теоретические» рассуждения немцев, документы, захваченные у «И» в апреле 1916 г., дали возможность близко ознакомиться с практикой их подрывной работы. Развивая разнообразную деятельность, «И» установил также связь с «бюро труда» некоего Либау; это было частное агентство, созданное, якобы, с целью подыскания работы для немцев, австрийцев и венгерцев, проживающих в США. Какова бы ни была германская теория относительно распространения насилия на нейтральные страны, но деятельность этого «бюро труда» не могла быть популярной среди граждан США. В захваченных у «И» документах был обнаружен отчет о работе этого агентства, представленный германскому послу Бернсдорфу. Там, между прочим, сообщалось о том, как германские агенты побуждали квалифицированных рабочих и инженеров покидать работу на военных заводах. Но агентство Либау не ограничилось этим. Войдя в доверие руководителей военных заводов, «бюро труда» поставляло им рабочих, которых можно было использовать для шпионажа и диверсионных актов. К этому делу был привлечен также один врач, который, в силу занимаемого им положения, мог доставать надежную информацию о заказах, полученных различными заводами. В результате расследования удалось установить, что волнения и длительные забастовки на этих заводах являлись результатом деятельности казавшегося столь невинным «бюро труда» мистера Либау. Посол Бернсдорф пришел к такому заключению: «Мы можем дезорганизовать и задержать на месяцы или даже совсем расстроить производство снаряжения в Бетлехеме и в штатах Среднего запада».

«И» развивал свою деятельность и в других направлениях. Его организация, для которой Бернсдорф требовал неприкосновенности, как для филиала германского дипломатического представительства, занималась также субсидированием издателей, журналистов и лекторов. В захваченных документах был найден список журналистов, получивших различные суммы — от 200 до 1 000 долларов.

Полковник Николай, начальник германской разведки во время войны, впоследствии писал, что в начале войны

Германия, стремясь обеспечить сохранение американского нейтралитета, проявляла весьма благосклонное отношение к американцам. Однако деятельность германских дипломатов в нейтральных странах, в особенности же деятельность военных и морских атташе со всей их сетью тайных агентов и организаторов диверсий в Соединенных штатах, показывает оборотную сторону этой «благосклонности».

ГЛАВА XIV

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И МИРОВАЯ ВОЙНА. ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

(1917)

Теперь мы намерены рассказать, каким образом сотрудникам британской разведки, занятым в Лондоне расшифровкой неприятельских донесений, удалось обнаружить доказательства двуличия Германии по отношению к Соединенным штатам. Одного этого было бы, пожалуй, достаточно, чтобы побудить президента предложить конгрессу объявить Германии войну, хотя этот президент был лишь недавно избран на платформе «сохранения мира».

В начале 1917 г., в один знаменательный день, нашим работникам, занятым «где-то неподалеку от Уайтхолла» расшифровкой сообщений, попала в руки сложная комбинация цифр. Третья от конца группа этих цифр оказалась знакомой. Мы легко можем себе представить, как шифровальщик воскликнул: «Алло, да это же сам Циммерман в приятной переписке с Бернсдорфом! Тут, несомненно, что-то очень важное». Само собой понятно, что расшифровщики удвоили усилия, чтобы раскрыть смысл всей этой цифровой путаницы. Их кропотливая работа увенчалась успехом, и это было одним из самых поразительных достижений в работе разведки во время войны.

Когда я в молодые годы учился в высшей военной школе в Кемберли, нам читали лекции о раскрытии тайных кодов и шифров. Немногие из нас тогда понимали важность этого дела для ведения войны, и большинство полагало, что нам незачем заниматься этим. Для должной постановки дела требовалось объединить энергию сотен счетчиков, которые должны были систематически производить самые разнообразные перестановки и сочетания цифровых или буквенных групп. Это была изнурительная работа, которая в большинстве случаев не давала результатов: в 99 случаях из 100 она заводила в безвыходный

тупик. Считалось удачей, если в одном случае виден был просвет.

В наши дни тут можно провести некоторую аналогию с кроссвордными задачами и головоломками, которыми теперь многие увлекаются — одни с целью развить свои умственные способности или обогатить свой запас слов, другие в надежде разбогатеть, ничем при этом не рискуя. Я могу поделиться моим собственным опытом в этом деле. Соблазн получить премию в 1000 фунтов стерлингов столь силен, что я сам во время одной поездки из Солсбери в Лондон занялся решением легкой на вид головоломки. Воспользовавшись теми небольшими знаниями в шифровальном искусстве, которые у меня еще сохранились со студенческой скамьи в Кемберли, я ко времени прибытия поезда на станцию Ватерлоо, т. е. за 1½ часа, успел открыть 64 способа решения этой задачи, и мне уже казалось, что 1000 фунтов мне обеспечены.

Приехав в Лондон, я отправился завтракать в клуб, который находится в Блумсбери, этом центре ученых, и посещается многими весьма крупными математиками и другими выдающимися представителями академического мира — словом, людьми, самоотверженная работа которых на пользу общества так плохо вознаграждается. Я им рассказал о только что открытом мною верном пути к богатству. Я оставил группу этих ученых у камина, где они, сидя в креслах, продолжали рассуждать о головоломках, а сам отправился по своим делам. Когда я к вечеру вернулся в клуб, меня окликнул один из моих друзей и объявил, что кроме моих 64 решений (а я их считал исчерпывающими) найдено еще 3072, и нет гарантии, что не будут открыты еще новые способы решения.

Расшифровка представляет подобного рода работу, и крупные успехи в области раскрытия чужих шифров во время войны были достигнуты лишь путем затраты огромного труда. Так как нам не полагается знать место, где эта работа велась, то представим себе, что наши шифровальщики устроились на Адельфи-Арчис — в месте, защищенном от воздушных налетов. Один французский писатель сообщил, что они работали в доме № 10 на Даунинг-стрит, который в представлении иностранцев скрывает всякие тайны, но в действительности является частной резиденцией всех последовательно сменяющихся британских премьер-министров. Частные секретари одного из них во время войны должны были перекочевать во флигель, находящийся в саду дома № 10. Здания были

временного характера с оцинкованными крышами, и у меня не раз возникал вопрос: какое влияние на перспективы исхода войны могла бы оказать бомба, брошенная в эти здания? Люди, занятые расшифровкой, конечно, помещались не там. Подобно кротам, они рылись под землей, и об их деятельности можно было судить лишь по тем «кучкам земли», которые они иногда выбрасывали на поверхность. Но «кучка», образовавшаяся от расшифровки тайных сообщений Циммермана, достигла размеров целой горы, как будто возникшей в результате землетрясения.

Рассматривая дальнейшее, мы должны иметь в виду имена действующих лиц, участвовавших в этой великой мировой драме. Президент Вильсон, выступавший с платформой сохранения нейтралитета США в войне, был переизбран в ноябре 1916 г. Полковника Хауза европейские дипломаты рассматривали как *alter ego*¹ президента. Уолтер Пейдж был американским послом в Лондоне. Франк Полк был видным чиновником государственного департамента (министерства) иностранных дел в Вашингтоне. Доктор Циммерман 21 ноября 1916 г. сменил фон Ягова на посту министра иностранных дел в Берлине. Граф Бернсдорф был германским послом в США, фон Экхардт — германским посланником в Мексике. Президентом Мексики в то время был Карранса. Артур Бальфур сменил сэра Эдуарда Грея 11 декабря 1916 г. на посту министра иностранных дел Англии. Сэр Сесиль Спринг-Райс был английским послом в США. Холлер состоял сотрудником английского посольства в Вашингтоне.

Самым лучшим переводом телеграммы Циммермана от 16 января является тот, который был сделан после войны, когда стали доступными архивы министерства иностранных дел в Берлине. По существу, он вполне совпадает с текстом этого документа в расшифровке английских расшифровщиков во время войны. Теперь опубликованы различные версии его, но отдельные мелкие расхождения объясняются различием переводов. Мне лично удалось ознакомиться и с оригинальным немецким текстом.

Приводим этот документ полностью.

«Министр иностранных дел Циммерман послу графу Бернсдорфу.

Телеграмма № 158. Строго секретно. Исключительно

¹ Латинское выражение «*alter ego*» означает буквально «второе я». Полковник Хауз, не занимавший никаких официальных постов, был доверенным лицом и главным советником Вильсона. — *Прим. перев.*

для личной информации вашего превосходительства и передачи имперскому посланнику в Мексике через надежные руки¹. Телеграмма № 1. Абсолютно секретно. Расшифровать только лично. Мы намерены 1 февраля объявить неограниченную подводную войну. Несмотря на это, будет сделана попытка сохранить нейтралитет Америки. В случае, если нам это не удастся, мы предлагаем Мексике союз на следующих условиях. Совместное ведение войны и совместное заключение мира. Широкая финансовая помощь и наше согласие на то, чтобы Мексика вернула себе путем завоевания потерянные ею раньше территории в Техасе, Нью-Мексико и Аризоне. Заключение соглашения по отдельным вопросам возлагается на ваше превосходительство. Вышеизложенное доведите до сведения мексиканского президента в строго секретном порядке в момент, когда вспыхнет война с Соединенными штатами. В дополнение внушите мысль, чтобы он предложил Японии принять одновременно участие в войне и в то же время выступил посредником между нами и Японией. Сообщите президенту, что неограниченное применение наших подводных лодок теперь открывает перспективу вынудить Англию просить мира в ближайшие месяцы. Подтвердите получение.

Циммерман».

Неограниченная подводная война началась 1 февраля. США, сохраняя нейтралитет, 3 февраля порвали дипломатические сношения с Германией.

Но раньше, чем комментировать поразительное послание Циммермана и последствия расшифровки его, следует познакомиться с другой его телеграммой, посланной 3 недели спустя (5 февраля 1917 г.). Она гласила:

«Министр иностранных дел Циммерман посланнику Экхардту (непосредственно)².

Телеграмма № 11. В связи с телеграммой № 1, строго секретно. Лично расшифровать. Берлин, 5 февраля 1917 г. При условии, что нет риска выдачи секрета Соединенным штатам, предлагаем вашему превосходительству уже сейчас поднять перед мексиканским президентом вопрос о союзе. Однако окончательное заключение союза зависит

¹ Предполагалось использовать германскую подводную лодку «Дейчланд», но это не удалось.

² В это время Бернсдорфу уже были вручены паспорта.

от возникновения войны между Германией и Соединенными штатами. Президент мог бы уже теперь начать зондировать почву в Японии. Если президент отклоняет наше предложение из опасения возможной в будущем мести Америки, вы уполномочены предложить оборонительный союз после заключения мира, если Мексике удастся привлечь к этому союзу Японию. Подтвердите телеграфно получение.

Циммерман».

8 февраля Циммерман в секретной, более энергичной телеграмме предложил Экхардту заключить с Мексикой союз и попросить президента Карранса вступить в ранее предложенные переговоры с Японией. На это Экхардт ответил 26 февраля, что переговоры начаты.

Теперь посмотрим, как отнеслись к этим разоблачениям различные участники этой драмы.

Образ действий Циммермана не поддается объяснению. Германия как раз перед этим опубликовала свой «мирный манифест», хотя не была в состоянии дать президенту Вильсону точное определение своих военных целей. Она понесла весьма тяжелые потери на Сомме, под Верденом и в боях с Брусиловым на восточном фронте. Участие России в войне еще не прекращалось. Шансов на военную победу над союзниками не было, и объявление беспощадной подводной войны с целью окончательно вывести Великобританию из строя было последней ставкой немцев. Клаузевиц предупреждал германцев и всех, кто вторгается в чужую страну, что существует кульминационный пункт военных побед, за которым начинается поворот — наступает реакция, которая превосходит силу первоначального удара. Вообще положение Германии было отчаянное, и поэтому она пошла даже на риск вовлечения США в войну.

Бернсдорф делал все возможное. В зашифрованной телеграмме от 19 января он предупреждал Циммермана, что деятельность подводных лодок неизбежно приведет к войне с США. Продолжая свои попытки использования всех возможностей, он сообщил, что президент Вильсон «официально, хотя вначале частным образом», обещал предложить свое посредничество для переговоров о мире. Он приветствовал позицию, которую занимала по отношению к Германии пресса Херста с 3 миллионами читателей его 10 газет во всех штатах США. Он получил от германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега телеграмму,

посланную — нужно заметить — в то самое время, когда велись интриги с Мексикой:

«Пожалуйста, поблагодарите президента от имени имперского правительства за его сообщение. Мы ему вполне доверяем и *просим заверить его в нашей преданности*».

Это сообщение было послано вслед за телеграммой Циммермана Экхардту в Мексику. Таковы извилистые пути дипломатии!

Общественное мнение Европы в течение некоторого времени не могло разобраться в позиции, которую занимали США по отношению к воюющим сторонам. Насилие над Бельгией, убийство американских женщин и детей на «Лузитании» (7 мая 1915 г.), расстрел сестры милосердия Эдит Кавель (12 октября 1915 г.), торпедирование пассажирского парохода «Сэссекс» (24 марта 1916 г.), казнь капитана Фрейата (27 июля 1916 г.) и ряд конфликтов, вызванных нарушением международного права и обычаев мореплавания, ревностно отстаиваемых американскими юристами, — все эти события не находили должного отклика в США. Создавалось впечатление, что президент при всех условиях останется на своей позиции, выраженной в фразе: «Мы слишком горды, чтобы вступить в драку».

7 февраля все американские суда были задержаны в портах из-за угрозы германских подводных лодок. Правительство объявило, что оно не предоставит конвойных судов, и затор в американских портах еще усилился. 27 февраля пароход «Лакония» (пароходного общества «Кенард Лайн») был потоплен, причем погибли две американки. Накануне этого президент Вильсон в своем послании к конгрессу объявил о переходе к вооруженному нейтралитету и о решении вооружить торговые суда. 9 марта посол Пейдж телеграфно сообщил полковнику Хаузу о господствующем в Англии мнении, что американское правительство не примет активных мер при любых провокационных действиях Германии и будет сдерживать американский народ до тех пор, пока германские провокации по отношению к Соединенным штатам не будут забыты, а британский флот собственными силами не справится с опасностью подводной войны. 12 марта американский пароход «Альгонкин» был потоплен без предупреждения. 19-го в течение 24 часов подводные лодки потопили 3 американских парохода, причем на одном из них, на «Виджилансии», погибло 15 человек команды. 21 марта полковник Хауз ответил Уолтеру Пейджу: «Мы уже сейчас находимся в состоянии войны, хотя формальное объявле-

ние ее, может быть и не последует раньше, чем соберется конгресс, т. е. 2 апреля».

Тут мы должны опять вернуться к расшифровке секретных документов Циммермана в Лондоне и показать, почему они явились последней каплей, переполнившей чашу. По материалам, приведенным в книге «Интимная переписка полковника Хауза», выходит, что без этих документов всякая попытка президента Вильсона форсировать вступление США в войну, пожалуй, ослабила бы впечатление, что им сделано все от него зависящее для сохранения мира и что он был вынужден вступить в войну, которая явилась единственным средством обеспечения чести и безопасности Америки.

«Именно впечатлению от опубликованных документов надо приписать тот энтузиазм, с которым наиболее пацифистские районы выполняли свои военные заказы; оно-то и произвело перелом в «пацифистски-нейтральных» настроениях в стране».

По вопросу о том, каким образом были расшифрованы германские коды и шифры, как военные, так и морские, мне нечего прибавить к тому, что уже выше было сказано о кропотливой работе расшифровщиков и о способах добывания кодов и ключей к шифру с потопленных или потерпевших крушение германских военных судов.

Один французский автор передает занимательные анекдоты о ловкой работе одного австрийского специалиста по радиотелеграфии, который был на службе германских военных властей в Бельгии и, работая в германской штаб-квартире в Брюсселе, якобы, тщательно скопировал коды германского министерства иностранных дел и все сложные ключи их вариаций. В моем распоряжении нет данных, подтверждающих эту версию, так же как и рассказ о его бегстве через Голландию в Англию; еще меньше у меня оснований верить сообщению, будто бы он впоследствии был «устранен» британской полицией. Мне эта французская книга знакома только в английском переводе, и я обнаружил в ней следующее. В донесении посла Пейджа в Вашингтон, датированном 15 марта, Пейдж ссылается на «шифрованные телеграммы Б.», имея в виду Бернсдорфа. Между тем, упомянутый французский автор на этом основании придумал какую-то таинственную подпись Бернсдорфа — «Б.И.С.2». Вот почему я отношусь с недоверием ко всей этой версии.

Теперь всем известно, что британские расшифровщики сумели воспроизвести подлинный текст сенсационных те-

леграмм, отправленных в Мексику Циммерманом 16 января и в последующие дни. Циммерман придавал первой телеграмме столь важное значение, что послал ее через Швецию, Буэнос-Айрес и Вашингтон по кабелю и из Берлина в Вашингтон американской дипломатической почтой, а кроме того, передавал ее по радио через мощные станции Науэнскую (в Германии) и Сейвильскую (в США) и, насколько я знаю, еще разными другими путями. Использование дипломатических каналов США для этой корреспонденции не лишено некоторого мрачного юмора ввиду ее содержания.

Расшифровка документа заняла некоторое время. 23 февраля министр иностранных дел Бальфур передал американскому послу в Лондоне пакет с английским переводом телеграммы Циммермана фон Экхардту в Мексике с поручением убедить президента Карранса в случае войны между Германией и США в необходимости заручиться помощью Японии, которая входила в Антанту, и вторгнуться на территорию США. Уолтер Пейдж немедленно вернулся в посольство и 24 февраля в 2 часа утра предупредил Вашингтон, что в течение ближайших часов он отправит шифром весьма важную телеграмму, предназначенную лишь для самого президента Вильсона и государственного секретаря (министра иностранных дел); эта телеграмма пришла в Вашингтон в 9 час. утра 24 февраля.

Посол Пейдж, должно быть, просидел большую часть ночи над составлением длинного телеграфного донесения с подробной информацией об успехе британского правительства, сумевшего расшифровать секретные германские телеграммы и раскрыть всю переписку между Бернсдорфом в Вашингтоне и Экхардтом в Мексике. Пейдж предлагал осведомить японское правительство о том, в какую сделку с Мексикой Германия предполагала вовлечь Японию¹, и привел полностью английский перевод телеграммы, отправленной Циммерманом 19 января через германского дипломатического представителя в Вашингтоне. Пейдж при этом объяснил, почему произошла задержка в передаче этого сообщения американскому правительству. Телеграмма Пейджа была отправлена в 1 час 30 мин. дня 24 февраля и была расшифрована в Вашингтоне в 8 час. 30 мин. вечера.

Вернемся в Америку вместе с тем историческим доне-

¹ Узнав о планах Циммермана, японцы передали союзникам заявление, в котором отрицали свою причастность к германской затее.

сением, которое пришло в Вашингтон в ночь с 24-го на 25-е. Президент Вильсон был немедленно разбужен, и на этот раз он очутился перед лицом реальных фактов, а не теорий и пропаганды. Он потребовал от Уолтера Пейджа подтверждения и присылки ему экземпляра германского кода (каблограмма его была датирована 28 февраля).

26 февраля полковник Хауз был вызван к телефону Франком Полком, советником министерства иностранных дел, который сообщил ему о блестящем достижении британских расшифровщиков, приведшем к раскрытию заговора Циммермана. 27 февраля полковник Хауз написал президенту Вильсону:

«Я надеюсь, что вы завтра опубликуете телеграмму. Это произведет сильное впечатление на публику и на всю страну.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Вспомним, что американское судоходство было парализовано преступными действиями германских подводных лодок и что гибель «Лаконии», за которой последовала гибель американских пароходов и американских граждан, имела место 25 февраля.

1 марта посол Пейдж ответил, что германский секретный код сам по себе будет для президента бесполезен, и просил его переслать в лондонское посольство все германские шифрованные телеграммы, которые прошли через США с секретной подписью Бернсдорфа; в Лондоне они будут расшифрованы и отправлены обратно в Вашингтон по телеграфу. В конце концов Пейдж поручил Эдуарду Беллу, первому секретарю посольства США в Лондоне, лично расшифровать секретные телеграммы Циммермана Экхардту. Когда это было сделано, Пейдж 2 марта отправил в Вашингтон новый текст, который фактически совпадал с британским, пересланным 24 февраля. Немцы были уверены, что раскрыть их сложные секретные коды нет никакой возможности. Было желательно оставить их в этом убеждении.

Известие, полученное 1 марта американской общественностью о планах заключения союза между Германией, Мексикой и Японией, произвело ошеломляющее впечатление. С другой стороны, в некоторых кругах, которые в своих органах печати объявили всю эту историю злокозненной британской выдумкой, обнаружилось стремление вернуться к старой политике «ущемления хвоста британ-

ского льва». Тогда президент Вильсон опубликовал самые документы, и министерство иностранных дел гарантировало их подлинность. В сенате было заявлено, что опубликование всей информации, имеющейся в руках правительства, противоречило бы высшим интересам страны.

Тогда и сам Циммерман признал аутентичность опубликованных документов. Он пытался выяснить причину провала, но это ему не удалось. Бернсдорфу уже 3 февраля были вручены его паспорта, и он уехал на шведском пароходе «Фридрих VI». 6 апреля 1917 г. США вступили в войну с Германией.

Между тем до 13 апреля продолжалась секретная (?) переписка между Экхардтом и Циммерманом. Последний еще не отказывался от своих надежд побудить Мексику напасть на США и предлагал ей деньги и оружие. 14 апреля Экхардт окончательно сообщил, что Мексика не вступит в войну — преждевременное разоблачение тайных сообщений, которыми обменивались Циммерман и Экхардт, сделало невозможным предполагавшийся союз между Мексикой и Германией.

Тайна о работе британских расшифровщиков лояльно соблюдалась в Америке и не была даже сообщена союзным странам. Полковник Хауз рассказывает об одном сотруднике британского посольства в Вашингтоне — Холлере, которого Хауз 9 марта 1917 г. пригласил к себе и с которым он обсуждал обстановку в Мексике. Хауз говорит: «Холлер спросил меня в самой наивной форме, каким образом случилось, что мы, американцы, получили ноту Циммермана. Я ответил: «Я полагаю, что вы сами знаете». Он заверил меня, что не имеет ни малейшего представления об этом».

По словам полковника Хауза, не кто иной, как Холл, сотрудник британской морской разведки, достал, расшифровал и передал указанный материал американцам. Повидимому, он имеет в виду адмирала сэра Реджинальда Холла, сына моего старого начальника, покойного капитана В. Х. Холла, которому я в феврале 1887 г. помогал организовать отдел морской разведки. Я не могу сказать, в какой мере прав полковник Хауз. Дело самого сэра Реджинальда Холла решить, когда наступит момент поднять завесу над тайной, которой покрыта его деятельность за время войны. Если он со временем сделает это и напишет об этом, то это будет весьма интересно. В сентябре 1917 г. полковник Хауз написал Холлу, называя его своим «дорогим другом». Поздравляя его с результатами работы,

он добавляет: «Я не знаю ни одного человека, который оказал бы во время войны более ценные услуги, чем вы». В марте 1918 г. посол Пейдж писал президенту Вильсону: «Холл — подлинный гений, равного которому вы не найдете во всем мире». При этом Пейдж выразил желание дожить до 1938 г., чтобы иметь возможность прочесть мемуары и ознакомиться с секретными документами Холла; но этому желанию, увы, не суждено было осуществиться.

* * *

Мои собственные воспоминания и ряд новейших исследований в области истории мировой войны побуждают меня сделать дополнительно несколько личных замечаний о последствиях важных событий, о которых говорилось в этой главе. Далекий от бесплодных рассуждений и споров о том, какая страна больше всего сделала для достижения победы, я хотел бы отметить несколько запечатлевшихся в моей памяти эпизодов, связанных со вступлением США в войну.

В первую очередь вспоминается обстановка, в которой произошло объявление Америкой войны Германии. То был момент, когда общественное мнение было сильно взбудоражено огромными потерями британского и нейтрального судоходства, причиненными разбойничьими действиями германских подводных лодок, начиная с 1 февраля того года. Безопасность морских сообщений и сохранение необходимого тоннажа были к тому времени для Антанты вопросами жизни и смерти; без этого все военные усилия на континенте были бы обречены на неудачу, и население Соединенного королевства было бы поставлено в чрезвычайно тяжелое положение. При таких условиях прибытие 2 мая в Куинстаун первой американской флотилии истребителей было событием выдающейся важности, — событием, вокруг которого с полным основанием был поднят большой шум. Главный морской цензор рассказывал, как капитан Маддик, предупрежденный за 2 часа, спешно отправился в Куинстаун с операторами и всеми необходимыми для киносъемок аксессуарами для заснятия этого «исторического момента прибытия американских истребителей в помощь своему бывшему в весьма отдаленном прошлом врагу». Киносъемка вышла удачной, и Маддик с легкой руки американского адмирала получил кличку «майор Кино». Этот фильм потом широко демонстрировался по всей Великобритании.

Вскоре мы были свидетелями другого достижения «майора Кино»: он заснял в Ливерпуле прибытие генерала Першинга. Затем 19 мая правительство США объявило о своем намерении немедленно отправить первую дивизию во Францию. Это произвело ободряющее действие, тем более, что накануне, 18 мая, уже вступил в действие закон о принудительной военной службе («Compulsory Service Act») в США. В Британии мы были перед свершившимся фактом аналогичного порядка, после того как нам удалось, главным образом путем добровольной вербовки, направить на различные фронты 21½ млн. британских имперских войск: пришлось считаться с необходимостью возмещения потерь сотен тысяч солдат. Было ясно, что Соединенные штаты осторожно отнеслись к идее принудительной военной службы, что сказалось впоследствии на военных операциях, которые связаны с именем генерала Першинга.

В этой связи я особенно живо вспоминаю один момент в Уайтхолле: 4 июля 1918 г. — день независимости. К тому времени мы уже справились с угрозой подводных лодок. Но германцы, воспользовавшись тем, что восточному фронту больше не угрожали русские армии, начали в марте наиболее ожесточенное в истории войны наступление на британскую армию, прикрывавшую Амьен. Линия британских войск отодвинулась назад — почти до самых ворот города; фронт согнулся, но не был сломен. Затем в апреле утомленные британские войска должны были проявлять отчаянные усилия, сдерживая напор огромных сил противника у р. Лис (9—29 апреля), — тогда и последовал приказ сэра Дугласа Хейга от 12 апреля с исторической фразой «мы прижаты к стене». Между 27 мая и 6 июня французские армии подверглись такому же испытанию в третьей битве у р. Эн.

Нужно сказать, что население Британии было проникнуто суровой решимостью добиться победы, чего бы это ни стоило, но наряду с этим существовала глубокая тревога из-за положения на западном фронте. Нехватало людских резервов, и подготовляемый Фошем план контратаки генерала Манжена, которая 18 июля действительно перетянула чашу весов в пользу союзников, тогда был еще в зародыше. Никто не предвидел быстрого восстановления боевой мощи армии Хейга, которая занимала первое место в великом наступлении союзников после 8 августа. И нас тревожил вопрос: откуда взять еще людей, чтобы выравнить положение и в нужный момент нанести противнику решительный удар?

Некоторые утверждали, будто бы союзники в тот период полагали, что пехотные части американской армии, присланные первыми по настоянию союзного командования, должны были сразу влиться в состав союзных армий и принимать более широкое участие в тогдашних операциях. По этому поводу я хочу поделиться своими воспоминаниями о годовщине американского «дня независимости» в 1918 г., показывающими, какой моральный эффект произвело вступление американцев в войну. Я тогда точно записал свои впечатления и решаюсь воспроизвести эту запись, несмотря на то, что в наше мирное время она может показаться слишком патетической.

«Только людская сила могла перетянуть чашу весов, поэтому все глаза были обращены на запад, по ту сторону Атлантического океана. В каждой комнате в Уайтхолле висела карта западного фронта, на которой линия маленьких флажков указывала, как мы, начиная с марта, теряли территорию. Флажки, постоянно передвигались к западу, и нам казалось, что вторжение врага никогда не прекратится.

В это июльское утро я смотрел на одну из таких карт. Утром по пути в Уайтхолл мне попадалось много утомленных лиц. «Мы все утомлены», — писал Хейг в своем обращении к армии три месяца назад. И многие обнаруживали признаки крайнего напряжения, все были измучены почти четырехлетними жертвами и разочарованиями. Крайне необходим был новый толчок, новый прилив энтузиазма; только это могло помочь нам выдержать до конца. Некоторые совершенно тупели, не видя впереди никакого про света.

Внезапно через открытое окно моего кабинета издали донесся шум, подобный гулу морского прибоя, сливавшемуся с резкими криками морских чаек. Этот шум все более и более возрастал. Мостовая заполнилась людьми, все поворачивали головы в ту сторону, откуда приближался шум, переходивший в сильнейший рев, пока, наконец, не выяснилось в чем дело.

Сотни американских солдат, размахивая флагами, с приветственными возгласами двигались по бульвару вдоль Уайтхолла в широких фургонах, украшенных знаменами с полосами и звездами. Им навстречу из толпы, заполнявшей улицу, и из окон домов неслись ответные приветствия лондонцев, солдат, матросов, летчиков, явившихся со всех концов Британской империи.

День 4 июля. Какие он будил воспоминания, и вот какой

результат! Перед лицом великой мировой угрозы волна дружбы снова поднимает дух союзных народов и ведет их вперед к цели».

Достижению таких результатов содействовала кропотливая работа британских расшифровщиков в начале 1917 г., что было потом описано полковником Хаузом, послом Уолтером Пейджем и другими.

Показав на этом примере значение разведывательной работы в области дипломатии, мы снова вернемся к действующим армиям — к тем методам, которые они применяли для определения силы и планов неприятеля, и к выяснению вопроса, какой информацией располагал командный состав армий в момент, когда он принимал свои решения. В военных операциях нашего времени, как и всегда было в прошлом, элемент внезапности имеет решающее значение и является скрытой пружиной успеха. Во всех важных операциях можно обнаружить те методы, с помощью которых эта внезапность осуществлялась в тяжелых условиях современной войны.

ГЛАВА XV

ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД НА ВОСТОКЕ

(1917)

Обратимся теперь к Востоку, где разыгралось одно из трагических событий в истории разведки, вновь напоминающее старую поговорку, что истина кажется подчас более странной, чем вымысел. Я приведу действительные факты, опуская лишь, по понятным причинам, фамилии и точные указания местностей. Я колебался, прежде чем рассказать об этом деле, но с тех пор прошло уже 13 лет, и за эти годы исчезло ожесточение военного периода, а описание деятельности агентов разведки на фронте в противном случае было бы неполным.

В этой трагедии участвовали: офицер британской разведки, которого назовем «Маннерингом», и его противник из германской разведки «фон Фриц». Маннеринг служил в британских войсках на востоке в 1917 г. В начале года до него дошли сведения, что район, занятый британскими войсками, наводнен неприятельскими тайными агентами. Он начал обдумывать, как лучше всего воздействовать на солдат, чтобы они принимали должные меры для охраны секретности будущих операций. Излагая свои опа-